
Надежда Черпинская
КНИГА 1
ВОРОН
и РАДУГА
18+

Надежда Черпинская

Ворон и радуга. Книга 1

«Автор»
2026

Черпинская Н.

Ворон и радуга. Книга 1 / Н. Черпинская — «Автор», 2026

Однажды мать сказала ему, что любовь – это самое важное на свете, это настоящее счастье. И Ворон продолжал верить в её слова, пусть жизнь и пыталась убедить его в ином. Он умирал уже много раз. Судьба швыряла его на самое дно, но Ворон выбирался.Ведь смирение не для того, у кого есть крылья. Он должен долететь до радуги.И отыскать ту, что встречал лишь во сне, ту, что вывела его из тьмы обратно к свету солнцаПервый том цикла – бесплатно.(В серии 4 книги, серия завершена)

© Черпинская Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

КНИГА 1 «ВОРОН» 5
1 В огне 6
2 В огне 8
3 В огне 10
4 В огне 12
5 В огне 14
6 В огне 15
7 В огне 17
8 В огне 18
9 В огне 20
10 В огне 22
11 В огне 25
12 В огне 27
13 В огне 29
14 В огне 32
15 В западне 35
16 В западне 38
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Надежда Черпинская
Ворон и радуга. Книга 1

КНИГА 1 «ВОРОН»

И я поднимаюсь с колен,
И опять надо мною небо.
И я не могу иначе –
Я снова иду за светом!
стихи автора

1 В огне

Из таких не выходят супруги,
Послушные тихие жены…
Я вхожу в неё, как в Аид,
Каждым вздохом её
Обожжённый...
Пола Шибеева

– Просто поверь! – снова шепнула она. – Иди ко мне! Дай мне руку!

Она протянула ладонь, ждала.

А он всё не мог решиться...

Как страшно! Провалиться в Лидонское ущелье, как же страшно! Трусом он не был никогда, но сейчас…

– Пойдём со мной! Верь мне!

Верить хотелось. У неё были такие красивые, чистые глаза, что в искренности настойчивого зова невозможно было усомниться. Она не могла ему желать зла, но она звала за собой…

Звала за собой в огонь! Шагнуть в ревущую жуткую стену пламени за её спиной. Верная гибель. Поверить ей? Значит, себе самому перестать верить. Ведь он видит ясно – впереди смерть. Если он доверится, он сгорит. И она, наверное, тоже.

Огненная стена. Он чувствовал раскалённый жар и безумный животный ужас зверя, на которого надвигается лесной пожар. Ждать больше нельзя – надо решать. Ведь огонь не только впереди, не только там, куда она зовёт. Он повсюду: окружает, надвигается, нависает над головой, ревёт за спиной, и вот уже земля под ногами трескается от жара. Огонь всё ближе, и гибель неизбежна. Стоять на месте опасно и бессмысленно.

Он зажмурился и шагнул к ней, вцепился в хрупкую нежную ладонь, как утопающий в обломки утлой лодочки.

– Идём! Держи меня за руку! – в её голосе звенела радость, искрящаяся, как брызги на солнце. – Держи и не отпускай!

Невыносимый жар. Боль, пронзающая насквозь. Чёрная горечь пеплом оседала в душе. Мёртвая холодная тоска, от которой хотелось выть. Всё это навалилось разом.

Но её руки обвили мягко и осторожно. Он уткнулся в её плечо, чувствуя, как лихорадило всё тело.

– Я с тобой, родной мой! Тише! Я с тобой! Слышишь?

От неё пахло свежестью дождя и мягким теплом весеннего солнца. И он чувствовал щекой гладкий шёлк её волос – локоны цвета закатного солнца, цвета меди, цвета зарева, через которое они прошли вместе миг назад. А вот её лицо расплывалось туманным светлым пятном из-за слёз, застилавших глаза, и лишь тихий нежный голос отзывался гулким эхом прямо в сердце. И было в его звучании что-то такое непостижимое, отчего губы сами собой расползались в улыбке.

Он прижимал её к себе, как самое драгоценное сокровище мира, и думал о том, что никогда прежде не был так счастлив и так несчастлив одновременно.

Он внезапно ясно осознал, что всё это лишь сон – ибо в жизни реальной невозможно чувствовать такое безбрежное счастье и такое безграничное единение. И мысль о том, что всё это лишь ночное видение, что сейчас он проснётся, навсегда потеряв это ощущение и эту женщину, опалила душу не слабее того самого безжалостного огня.

– Я с тобой, родной мой! Навсегда, – снова заверила она.

И эхо её голоса ещё долго звенело в памяти, даже когда время безжалостно стёрло этот дивный образ из сна.

2 В огне

– Эй, ты уходишь?

Тусклый луч, падавший из окна, осветил удивлённое лицо, соблазнительное плечико в пенных оборках кружевной сорочки.

– Нет, ещё нет, – успокоил Эливерт, обернувшись на оклик. – Спи, голубка моя! Сходка у меня сегодня. Но я уйду позже. Ещё только светать начинает…

– А чего тогда подхватился так рано? – она откинулась назад, разметав длинные волосы по белоснежным подушкам.

Он присел на край постели, помолчал задумчиво.

– Сон мне приснился…

– Сон? – сквозь дрёму уточнила она.

– Да. Странный сон.

– Страшный? – она, кажется, передумала снова засыпать.

– Страшный, – он покосился на неё, ласково провёл рукой по выглядывающей из-под одеяла коленке. – Мне снился огонь. Пожар.

Молчание в ответ.

– Жуткое пламя. Я не мог выбраться. Думал – сгорю заживо. Я бы и сгорел. Но… Она меня вывела.

– Она? Женщина? – лукаво усмехнулась белокурая красотка.

– Девушка, – кивнул он, не заметив насмешку.

– Красивая?

– Очень… – Эл ещё слышал эхо голоса, звенящего внутри, и это было как наваждение.

– Как я? – она игриво накручивала на пальчик курчавый локон.

– Нет, непохожа на тебя, – он качнул головой, припоминая. – Волосы как языки пламени. Я никогда таких ярких не видел. Удивительная…

Она насупилась сердито, но он уже и сам понял, что заболтался.

– Не такая как ты – ведь таких больше нет, и быть не может, – он улыбнулся восхищённо и подмигнул. – С тобой никто не сравнится, Аллонда, никто и нигде. Даже во сне…

– Давай-ка, Ворон, забирайся обратно в гнёздышко! – она заманчиво откинула в сторону край одеяла. – Может, я и не огненная ведьма, но знаю верный способ уберечь тебя от дурных снов – я просто не дам тебе уснуть…

Это прозвучало многообещающе, и он, смеясь, завалился сверху, целуя её, сопротивляющуюся для вида, всюду, куда успевал дотянуться, тиская, пока желание не накрыло так, что стало не до смеха.

***

– А возьми меня с собой! – Аллонда игриво обняла за плечи.

– Что тебе там делать? Мужские разговоры… Это будет скучно.

– А может ты просто собрался не к своим дружкам, а к девкам в «Эсендарские сады», а? Поэтому меня не берёшь, хоть я прошу уже столько раз. – Когда она так смешно выпячивала губки, то становилась невообразимо хороша. И ведь наверняка знала об этом, и пользовалась умело. – Пошли бы вместе… Но ты всякий раз бросаешь меня скучать тут одну.

– Красота моя, зачем эти упрёки? – хмыкнул Эл. – Ты знаешь прекрасно, что я любой твой каприз исполню даже раньше, чем попросишь. Но есть законы, по которым негласно живёт вольница. И тебе там не место…

– Ах, вот как? Мне там не место? – фыркнула белокурая, оттолкнув его льнущие руки.

– Ну, прости меня! – Эл сгрёб её в охапку. – Я не то ляпнул. Я просто хочу тебя уберечь от всего этого. Голубка моя, зачем тебе всё это знать?

– Я люблю тебя и хочу знать всё о своём любимом, – невинно парировала она.

– И я тебя люблю! И это главное, что тебе надо знать. Я тебя люблю, и это всегда будет так! – Ворон поцеловал её в нос. – А мои воровские дела… Радость моя, не забивай свою светлую голову всякой дрянью! Ну, потерпи ещё немного, прошу тебя! К осени у меня будет достаточно денег, чтобы мы могли уехать отсюда навсегда. И тебе больше не придётся скучать в одиночестве. Мы с тобой купим шикарный дом где-нибудь в Эстиу, где меня ни одна собака не знает. И дни напролёт будем проводить в постели. Я ведь тебе обещал… Подожди совсем немного, просто подожди!

– Так ты точно не к другой? – исподлобья заглянула она в глаза, снова выпятив сочные алые губки.

– Скажи мне, кто захочет пить прокисшее рину, когда перед ним кубок с «Жемчужной лозой»? – усмехнулся он, и холодные серые глаза сейчас лучились теплом.

– Ой, не знаю, не знаю… Хорошее вино способен оценить лишь тот, у кого хороший вкус, – насмешливо бросила красотка.

– По-твоему, у меня вкуса нет? – хмыкнул Эливерт. – Как же я тогда выбрал тебя из всех других? Пожалуй, я знаю, как тебе доказать, что вкус у меня есть…

– Как? – мурлыкнула она, обнимая за шею.

– Я тебе приглядел новое жемчужное ожерелье… Вот и оценишь!

– Как же я люблю тебя, Ворон! – она прижалась к нему, окутывая сладким облаком цветочного аромата. – Ты скоро?

– К полудню вернусь… А вечером пойдём ужинать в «Золотой кубок». Хочешь?

– Беру свои слова обратно – у тебя замечательный вкус, – она послала ему вслед воздушный поцелуй. – Да такого вкуса нет даже у благородных милордов! Удачи, атаман! Я тебя жду…

3 В огне

Утренний Эсендар Ворон любил больше всего.

В тени центральной улицы ещё ютилась свежая ночная прохлада. Камни под ногами искрились, омытые ночным дождём. Но первые мягкие лучики солнца слепили глаза и ласковым прикосновением грели правую щеку. Тихо, сонно, спокойно.

Народ уже просыпался, начинал сновать по каменным лабиринтам, спешил успеть по своим делам, пока раскалённый южный полдень не накрыл Великий Город, убивая всякое движение. Летом, в жару, днём, все прятались по своим каменным мешкам, погружаясь в ленивую дрёму да потягивая холодное рину. Зато вечером и ночью жизнь кипела, как в ярмарочный день на рынке: шла торговля, люди ходили в гости и, разумеется, в кабаки и трактиры.

Работы в такой толпе и суматохе всегда хватало. Сам он уже давно не промышлял по мелочам, но иногда не мог удержаться, заметив, как у какого-нибудь простофили беспечно болтается на поясе тяжёлый кошель. А ребятки, что ходили у него в подчинении, трудились на совесть – шайка Вифрийского Ворона богатела с каждым днём, лишая покоя стражей порядка.

Солнце лениво выползало из-за величавых колонн Храма Великой Матери, и статуя Милосердной в глубине строения сияла огнём, так что приходилось щурить глаза.

Это свечение снова пробудило в памяти необычный сон. Он, как правило, смеялся над разными суевериями. Но это видение ночью запало в душу, эдакое не просто так приснилось.

Что это всё значило? Пожар – это опасность, ясно-понятно. Надо поосторожничать пока. Мало ли…

А женщина?

Девочка… Красивая тонкая девочка с изумрудными глазами… Странная незнакомка с локонами, как у исчезнувших навеки бессмертных «детей солнца».

Почему она хотела спасти? Почему он ей поверил вопреки рассудку?

И почему в её объятьях было так… как никогда не было с Аллондой?

Ведь он любил её, любил свою белокурую голубку, любил так, как никого прежде. Уже дружки из вольницы подтрунивали, что этак скоро она вовсе обломает крылья Ворону и позабудет тот и небо, и свободу.

А зачем ему теперь небо? Ведь всё небо умещается в её глазах.

Даже лучший друг не мог его понять. Нивирт вовсе бурчал постоянно, что белокурая ведьма Эливерта приворожила, что иначе его одержимость объяснить нельзя.

Эл временами был почти готов с ним согласиться. Если случалось им разлучиться на несколько дней, он делался раздражительным и злым, рычал на всех, кто попадал под руку. И ловил себя на том, что всё время вспоминал о ней: манящие губы улыбались, поддразнивая, насмешливые глаза заглядывали в лицо, он чувствовал её мягкие волосы в своих пальцах, улавливал сладостный запах цветочной воды. Ему чудилось, как она прижимается к нему своей роскошной тяжёлой грудью, что не умещалась в ладони, и возбуждённые соски скользят по коже. Его начинало трясти от этих мыслей, ощущений, незримых прикосновений, и хотелось немедленно оказаться рядом.

И когда он возвращался после таких отлучек, с порога утаскивал Аллонду в спальню. Впрочем, чаще всего, до спальни дойти они не успевали.

Ну да, как всё началось тогда, так и продолжалось по сей день.

Эливерт усмехнулся, припомнив, как он увидел её впервые, и как впервые…

Вот ведь действительно дурак! Безумец! Прав Нивирт, только будучи не в себе, такое выкинуть можно было. Хорошо, что он везунчик каких мало! Теперь они вместе.

Уже почти год он был неизлечимо болен своей белокурой голубкой.

И, скажи кому из вольницы – засмеют, ведь за это время не изменил ей ни разу, ни одну другую девчонку даже не целовал. Куда делось вечное стремление отыметь каждую? С той самой первой встречи – как отрезало. Одно единственное желание осталось…

А ведь всё могло иначе сложиться – Аллонда могла бы выставить его вон. И правильно бы сделала! Но иногда наглость, действительно, второе счастье…

4 В огне

– Нивирт! Глянь! Глянь скорее! Кто это?

Был тогда погожий осенний денёк. Солнце припекало по-летнему. И на сердце было легко и радостно, а вот в голове наоборот – тяжело.

Вчера они неплохо гульнули в «Золотом кубке» и сегодня собирались повторить, а пока слонялись бесцельно по самому большому эсендарскому рынку, время от времени покупая разные лакомства, вроде орешек в глазури, или просто пробуя и уходя, заигрывали с симпатичными торговками, лениво препирались со старыми и некрасивыми. И вдруг Эл пихнул приятеля в бок и вид у него был такой, что у Нивирта тотчас стало пакостно на душе. Он обернулся и сразу понял, о ком шла речь, хоть у лавки на углу стояло сразу несколько девиц.

– Ты не знаешь, кто это? – повторил Эливерт как заворожённый, ни на миг не отводя взгляда.

– Эй, брат Ворон, клюв закрой! – хмыкнул Нивирт. – Неужто ты её ещё не видел? Ты же ни одной красотки не пропускаешь мимо, а такую проглядел!

– Проглядел… – озадаченно согласился Эл.

– Ну и верно сделал, – неожиданно заявил Нивирт. – Не про нашу честь…

– Из благородных, что ли? – нахмурился Ворон.

Белокурая круглолицая красавица с высокой пышной грудью и статной фигурой хоть и одета была роскошно, с иголочки, на дворянку никак не походила.

– Купчиха. Аллондой звать.

– Да ну-у-у! – протянул Ворон. – Стало быть, та самая Аллонда… Я слыхал, что она своей лавкой одна заправляет, сама, да так, что любого мужика за пояс уткнёт. Думал, там этакая гром-баба. А она-то, глянь, какая краля! Я б её…

– И не ты один, – заржал Нивирт. – Многие облизываются. Да только гонору уж больно в ней много. Сколько красоты, столько и дури.

От белокурой прелестницы не укрылось пристальное внимание парней. Она покосилась на них надменно и шепнула что-то своей спутнице, после чего обе захохотали весело и явно напоказ.

– Ишь, зубы скалят, дуры! – обиделся Нивирт. – Мне рассказывали, лавка ей от папаши досталась. Как единственной дочери. Старик был скряга и богатей, и всё что имел, только на неё и тратил. Избаловал заразу. А уж теперь её приструнить и вовсе некому – знает цену себе. Денег у этой Аллонды поболе, чем у нас в общаке. Сиськи вон какие, мужики аж оборачиваются вслед. К роскоши привыкла. На таких, как мы, она и не смотрит.

Нивирт злился, и, зная его насквозь, Эл сейчас очень хорошо понимал причину: они привыкли считать себя хозяевами этого города, и невозможность получить то, что очень хотелось, дико раздражала.

– Может, ждёт, когда её король под венец позовёт… – насмешливо хмыкнул приятель Ворона, глядя, как Аллонда исчезает за углом.

– Перебьётся его величество! – холодно процедил Ворон. – Нашим всем передай, хоть кого-то рядом с ней увижу – кишки выпущу.

– Ворон, ты чего? Сбрендил? – Нивирт оглянулся на него ошеломлённо. – На хрена она тебе сдалась?

– Я всё сказал.

***

В «Золотой кубок» вечером того дня он уже не пошёл, и на завтра тоже…

А пошёл он к лавке той самой Аллонды. Белокурая купчиха жила в роскошном особняке в самом центре города, на первом этаже которого она собственноручно продавала всякую всячину.

Он сидел напротив, в приятной тени навеса, смотрел на входящих и выходящих покупателей (а таковых было немало), ждал, когда она появится. Некоторых (видимо, особо почётных) Аллонда выходила провожать на крыльцо. И он смотрел, как она лучезарно улыбалась им и махала на прощание ухоженной белой ручкой, а потом снова исчезала внутри.

Тогда он переводил взгляд на застеклённые окна второго этажа и начинал представлять себе, как выглядит её спальня, её кровать… Интересно, спит она нагишом или в ночной сорочке?

Пару раз ему чудилось, когда красотка показывалась с очередным покупателем на крыльце, что она бросала взгляд в его сторону и, кажется, даже заметила и узнала, слегка удивлённо приподняла красивые тонкие брови.

Чушь, ясно-понятно! С чего бы ей запоминать какого-то парнишку с рынка, который на неё пялился утром. Ей вслед столько взглядов летит – только отмахивайся.

Когда надоело сидеть просто так, и в животе заурчало с голодухи, Эл перебрался в ближайший открытый трактир, откуда был превосходный вид на лавку Аллонды, и просидел там до глубокой ночи, пока все окна в её доме не потемнели.

А едва рассвело, уже снова был на своём месте. Рано утром красотка отправлялась по своему обыкновению на рынок, и он шёл незримой тенью следом, любуясь издали, но не решаясь приблизиться. Себя он убедил, что просто охраняет её так – вдруг кто-то посмеет обидеть одинокую девицу.

У прилавка со сладостями она задержалась надолго: выбирала, пробовала, кокетливо смеялась, чуточку заигрывая с усатым продавцом.

Эл делал вид, что выбирает конскую упряжь неподалёку, а сам всё косился на проклятого торговца сладостями и красавицу Аллонду.

В какой-то краткий миг их взгляды встретились. Она смотрела дерзко, насмешливо, будто ждала, что он смутится и отведёт взгляд, потом выудила из кипы вкусностей засахаренную вишенку и отправила в рот медленно, смачно, обольстительно.

Вот тут уж Эливерт не выдержал и поспешно убрался прочь.

Чтобы через час вернуться обратно к лавке Аллонды.

Весь день он провёл так же как и накануне. Кровь кипела от бессильной злости на самого себя – он чувствовал себя старым псом, которого хозяин вышвырнул из дома.

Вечером его нашёл Нивирт, обозвал дураком и почти силком уволок в «Эсендарские сады».

***

5 В огне

Бордели Ворон не любил. Даже такие роскошные. У него никогда не возникало сложностей с тем, чтобы найти себе девчонку на ночь. В любом трактире всегда можно было приглядеть симпатичную прислугу, сказать пару красивых слов, улыбнуться, поболтать за жизнь, и вот она уже сама тянет к тебе руки. Так и зачем покупать себе девку?

Нет, денег он на женщин не жалел. Не забывал и угостить, и щедро отблагодарить. Но это было по доброй воле.

Платить шлюхам – это совсем другое. В этом было что-то унизительное и мерзкое и для него самого, и для этих несчастных девчушек из подобных заведений. Словно его, кроме как за деньги, и любить не за что, словно они, кроме как за деньги, и любить-то не умели…

Бордели вызывали в душе тёмные воспоминания о безрадостных днях его собственного рабства. Взгляд тамошних девочек был таким же пустым и равнодушным, как взгляд мальчишек, с которыми он делил грязный угол в кузнице хозяина. Глаза рабов – глаза, в которых навсегда угас свет надежды. Он их жалел и презирал одновременно. Жалел, понимая, что у них не хватало сил что-то изменить. Презирал за то, что они смирились.

Он не смирился тогда. Он не умел смиряться. Да, он пролил кровь. Первую кровь в своей жизни. Но он получил свободу.

Никогда и никто больше не заставит его терпеть унижения!

Смешно… Если вспомнить, как он провёл последние два дня – смешно до колик.

Словом, Нивирт справедливо постановил, что если Ворон не хочет сбрендить окончательно, ему просто необходимо пойти в «Сады» и устроить себе весёлую ночку. Тамошние красотки мигом излечат атамана от всей этой опасной любовной хрени, и снова он заживёт спокойно и легко, как и положено молодому безбашенному атаману вольницы.

Эл спорить не стал. Может, друг и прав. Раньше такие весёлые загулы помогали выбросить из головы любые заботы и беды.

Только вот сегодня не вышло.

Ворона затошнило от окружающей фальшивой обстановки, от показушной любезности девок, от кричащей вульгарной роскоши. Он попробовал напиться, но от попытки залить всё вином, затошнило ещё больше. В итоге он слинял из «Эсендарских садов» ещё до полуночи, и до рассвета шатался по городу, пугая бродячих котов.

Когда первые солнечные лучи осветили купол Храма Великой Матери, он остановился посреди площади, посмотрел в высокое небо, на облака, нежно-розовые, как стыдливый девичий румянец, и понял, что с этим всем надо что-то делать. Делать срочно. Прямо сегодня. Желательно прямо с утра, пока не пропала решимость.

Он развернулся и направился к рынку, уже зная, какой дорогой туда отправится скоро Аллонда.

***

Но решимости хватило ровно до того мига, как он узрел свою вожделенную. Едва красавица Аллонда появилась, у него язык онемел, колени подкосились. Ворон нырнул в ближайший переулок, пропуская её мимо, и снова поплёлся следом, держась на расстоянии.

Побродив по рынку, сопроводил до дома и уселся снова в знакомый тенистый уголок.

Это начинало походить на какой-то «ведьмин круг» – сказывали, бывают в лесу такие заговорённые места, где трава чуть примята, или грибы растут цепочкой. Ступишь в такой и уже не выберешься, будешь бродить как слепой, покуда не упадёшь замертво.

«Сосунок никчёмный!» – обругал себя атаман, решительно поднялся, подождал, пока отошёл подальше покинувший лавку покупатель, и твёрдыми шагами направился к крыльцу.

6 В огне

Она стояла у прилавка, спиной к входу. Обернулась на звук открывшейся двери. Если и удивилась, то лишь на миг – тотчас улыбнулась вежливо.

– Добрый день! Входите!

Он хотел ответить, но не совладал с голосом, только кивнул почтительно и облизнул пересохшие от волнения губы.

Она сегодня была в голубой кружевной блузочке, отчего глаза горели, словно два чистейших топаза. А налитые груди, стянутые шнуровкой, при каждом вдохе так и норовили выскочить из глубокого декольте. Солнечные лучи, пробираясь в боковое окно, играли бликами в светлых кудряшках. И очень хотелось дотронуться и узнать, какие они на ощупь – наверняка мягкие, словно…

Он поспешно отвернулся в сторону, делая вид, что рассматривает товар. В гнетущей тишине медленно побрёл по лавке, чувствуя спиной её неотрывный взгляд. Сердце стучало бешено. Надо как-то в руки себя взять… Что-то сказать…

– Славный эрр желает что-то определённое? – осведомилась купчиха, и в этом учтивом вопросе Эливерту послышалась откровенная ирония.

Он обернулся резко и посмотрел так, что губы её на мгновение непроизвольно тронула улыбка.

О, да! Он определённо желал что-то определённое.

– Пояс… – наконец с трудом произнёс Эливерт, заметив за спиной у хозяйки лавки добротные кожаные ремни.

– Какой? Здесь вот с ножнами под кинжал есть. А к этому можно и меч прицепить… Вот этот из очень хорошей кожи. Гляньте, какой мягкий и гладкий! – Аллонда легко свернула в привычное русло, снимая ремни со стены, показывая каждый.

Ему пришлось подойти ближе, чтобы посмотреть и потрогать предложенное.

От приторного аромата её цветочной воды шла кругом голова. Он пытался смотреть на кожаные полоски в её нежных пальчиках, но взгляд непроизвольно соскальзывал в манящую ложбинку меж молочно-белых холмиков груди.

– Этот, – Ворон наугад ткнул пальцем.

– Хороший выбор. Примерьте! Я помогу, – она шагнула ещё ближе, с усилием расстегнула пряжку, завела руки ему за спину, обхватив ремнём талию…

Он не пытался возразить. Застыл камнем, глядя сверху вниз на её волосы, чувствуя, как она возится с новым, неподдающимся с ходу замочком. Сердце сбивалось с такта от её медового запаха, от нескромной близости этого невообразимо желанного тела, от случайных обжигающих прикосновений её рук.

Ей так и не удалось победить сложную пряжку, и она досадливо поморщилась, поднимая глаза…

– Может, сам…

«Провалиться мне! Какие губы! Сейчас поцелую её, и она даст мне по морде… Наверняка. Да конечно даст! Но ведь не сразу. Вдруг успею… В Бездну всё! Не убьёт же…»

Он не додумал мысль. Руки уже потянулись сами, окольцевали её, сжимая так, чтобы хоть на пару мгновений избежать острых девичьих ногтей. Ремень, который ей так и не удалось застегнуть, громко шлёпнулся на пол.

Ворон впился в сочные пухлые губы, задохнувшись от восторга и нестерпимого возбуждения. Пусть на один короткий миг, но он возьмёт своё.

А потом ему показалось, что он окончательно спятил, потому что по морде ему Аллонда не врезала, и даже вырываться не пыталась. Зато её нежный язычок скользнул меж его губ,

лаская и дразня. Он ослабил свою хватку, и мягкие руки красотки, высвободившись из плена, обхватили его шею. Она прилипла к нему всем разгорячённым манящим телом.

Эл потерялся окончательно: в голове – туман, в глазах – всё плывёт, в штанах – словами не выразить…

Безумие продолжалось… Но он уже не пугался собственной смелости, чувствуя всё больше, что гордая красавица тает, будто воск свечи.

Не выпуская купчиху из рук, Эливерт утащил её из лавки, нырнул в тёмный проём кладовой. Прижал к стене, навалился. Оторвавшись, наконец, от сладких губ, зарылся лицом в глубокий вырез, потянул вниз голубые кружевные оборочки. И аппетитные розовые соски бесстыдно выпрыгнули ему навстречу. Он приник к ним, покусывая и целуя. Она прижала его голову к груди, задышала порывисто и часто.

Ворон потянул вверх её подол, осторожно провёл рукой по бедру, и снова не уловил никакого сопротивления. Она не оттолкнула, не попыталась стыдливо вернуть юбку на место.

Не раздумывая больше, он торопливо сдёрнул с неё ажурные панталончики. Не прекращая ласк и поцелуев, расстегнул собственный пояс, широко развёл её стиснутые колени и подался резко вперёд, припечатывая красотку к стене.

От их возни с ближайшей полки посыпалось что-то с грохотом. Но на это уже никто не обращал внимания.

Она повисла на нём, больно вцепившись в плечи, охнула протяжно, обхватила бёдрами, горячим дыханием обжигая висок, чуть слышно постанывая при каждом его движении.

В лавке громко хлопнула дверь, зашуршали чьи-то неторопливые шаги. Они оба замерли на миг.

Аллонда приоткрыла глаза – в сумраке кладовки они поблёскивали голубым льдом, будто она была пьяна.

– Эрра Аллонда… Здравствуйте! – окликнули в тишине. – Вы где?

– Зайдите позже! – хрипло выкрикнула белокурая купчиха. – Я сейчас очень занята!

Шорох, дверь снова хлопнула, и тишина.

– Провалитесь вы в Бездну! – в сердцах бросила Аллонда, хищно облизнула губы, скользнула язычком по его уху и шепнула: – Продолжай, мальчик! Ну… Чего остановился? Продолжай! О-о-о-х! – Она судорожно вздрогнула. – О-о-о-о-х! Какой ты… А-а-а-а…

7 В огне

Так, как с ней, не было ни с кем и никогда прежде. Но всё закончилось. Всё всегда заканчивается.

Он осторожно отпустил её, отстранился. Аллонда привалилась к стене, её слегка шатало, и дыхание ещё было частым и глубоким. Она непослушными пальцами одёрнула подол юбки, спрятала в вырез зацелованную грудь. Подняла на него огромные голубые глаза, не зная, что сказать.

Сказал он.

– Аллонда… Выходи за меня замуж!

Огромные глаза стали ещё больше, она окинула его взглядом с головы до ног и фыркнула, не сдержавшись. Смущённый её смехом, он тоже понял, что, пожалуй, руку и сердце предлагают не так…

Ну, хотя бы штаны натянуть обратно не мешало бы – что он тут же и сделал.

Она рассмеялась ещё громче над его смущением и торопливыми попытками одеться.

– Вот дурак! – смотрела вновь насмешливо и колко.

– Я не дурак. Я тебя люблю.

– Как тебя хоть зовут-то?

– Эливертом, – пожал плечами Ворон.

– Эливертом… – задумчиво повторила она. – Любишь, значит? Жди! Я сейчас.

Она проскользнула мимо, вернулась в лавку, хлопнула дверью. Потом что-то скрипнуло… Задвижка? Похоже, заперла дверь на щеколду.

Аллонда заглянула в кладовку, где он так и продолжал стоять истуканом.

– Ну… Пойдём, Эливерт! – она потянула призывно за руку.

– Куда?

– Наверх, – лукаво усмехнулась красотка, уже ступив на лестницу.

– Зачем?

– У меня наверху кровать есть, – улыбка блеснула жемчужными зубками. – На кровати не пробовал? Это куда удобнее…

Ворон поднимался за ней по ступенькам, как привязанный, улыбался очумело и всё ждал, что проснётся сейчас в своём холостяцком логове. Ведь так не бывает! Он, ясно-понятно, везунчик и любимчик судьбы, но ведь не настолько…

Спальня была точно такой, какую он себе воображал, пока нёс дозор у лавки своей красавицы. И сейчас он даже опешил, глядя на широкую белоснежную кровать, напоминавшую огромный пушистый сугроб снега, какие он помнил ещё по детству на Севере.

– Ну, что стоишь, мальчик? – хмыкнула Аллонда, глядя на его замешательство. – Раздевайся!

Он моментально стянул через голову рубаху.

– А ты… красивый… – она подошла на шаг ближе, тонким пальчиком прорисовала извилистую линию по загорелому торсу вокруг фигурки ворона, что болталась на шнурке, и он почувствовал, как волна неуёмного желания накрывает снова. – И горячий… Чего так долго вокруг да около ходил, а?

Он снова пожал плечами.

– Думал, выставишь прочь…

– Не-е-е-т… До утра я тебя отсюда не выпущу! – обольстительно улыбнувшись, пригрозила белокурая. – А может… и дольше остаться позволю…

8 В огне

– О, ты всё ещё здесь? – она потянулась как кошка, улыбнулась, ещё не открыв полностью глаза.

– А где мне быть? – улыбнулся в ответ Эл.

Он давно не спал: лежал рядом, любовался ею.

– Так ведь всё получил, что хотел, пора и сбежать. И вообще, я думала, ты мне приснился…

– Сбежать? – хмыкнул Ворон. – И не надейся! И я… не всё получил. Мне одной ночи мало. Я тебя навсегда хочу. Аллонда, так ты пойдёшь за меня?

Она смотрела на него довольно долго, потом покачала головой, улыбаясь польщённо.

– Ну, точно дурак! Я думала, ты это так, для красного словца, вчера брякнул… Или на радостях, что я тебе дала… А ты серьёзно, что ли? После того, что было, ты, как честный человек…

– А что же, тебя серьёзно замуж позвать нельзя? – пожал он плечами. Добавил без тени сомнения: – Я тебя люблю. И я для тебя сделаю всё, что попросишь.

– Ишь ты! Откуда только нарисовался такой? Зелёный совсем, а наглый как… – засмеялась она. – Когда успел-то? Влюбиться. Что ты знаешь обо мне, мальчик? Ты меня два дня как увидел…

– Три дня! И что ты мне всё… «мальчик, мальчик»… – досадливо поморщился Ворон.

– А сколько тебе лет? – хитро прищурилась Аллонда.

– Да уж побольше, чем тебе…

– Ну сколько? – не унималась она. – Двадцать хоть есть?

– Есть, – уверенно солгал Ворон.

Подумаешь, накинул немного – нынче уже осень, до третьего дня зимы совсем чуток осталось… И будет двадцать. Так что, вроде и не соврал.

– Выглядишь совсем мальчишкой… – она улыбнулась снова, но теперь уже без насмешки, протянула руку, погладила его плечо. – Но… сила в тебе такая… Даже пугает!

Она помолчала задумчиво.

– Я не привыкла к таким молоденьким. В меня всегда мужчины много старше влюблялись. Опекали, баловали. С такими как за крепостной стеной. Я и сама боевая, ты же видишь… Слабаков и дураков не терплю. А сверстники – вечно такие шалопаи: ни ума, ни денег, ни заботы, ни…

– И много их было… взрослых и сильных?

– Ревновать будешь? – усмехнулась она. – Зачем тебе знать про них, а, мальчик? Про тех, кто был прежде… Если я буду с тобой, иных не будет. Клянусь – только ты, и никого больше.

– Этого достаточно, – кивнул он. – Обещаю о прошлом больше никогда не спрашивать.

Она придвинулась ближе, обняла, уткнулась в него.

– Ты другой. Совсем другой. С тобой не хочется быть сильной, не хочется доказывать ничего, хочется сдаться. Сразу. Без боя. Не привыкла я так… Меня это пугает.

– Аллонда, это ведь не война, это любовь. – Он запустил пальцы в её льняные кудряшки. – Не бойся, голубка моя! Я тебя никогда не обижу, не брошу, я тебя любить буду, всю жизнь. Знаю, всё так началось… глупо… Но я здесь не забавы ради! Я тебя взаправду люблю.

– Значит, хочешь жениться? – она выскользнула из его объятий, села, выпрямилась во всей красе, и не подумав прикрыть самые аппетитные места. – Так вот… Я за тебя выйду. Но сперва… подаришь мне дом! Да такой, чтобы обзавидовались все. Докажи, что любишь, что на всё для меня готов! Если купишь мне дом, роскошнее моего собственного, буду твоей женой.

Хорошо бы где-нибудь в столице… – мечтательно добавила белокурая. – А срока тебе даю… Год! Успеешь до следующей осени?

Он посмотрел на неё лукаво прищурившись.

– Что, думаешь, не смогу? Зря надеешься! Я – парень не бедный. Будет тебе дом. Такие хоромы, что король Кенвил позавидует! И не позднее первого дня осени. А может, и раньше. И дом будет, и подарки будут. Как королеву одену, жемчугами осыплю… Всё, что только пожелаешь!

– Ой, хвастать-то, хвастать! – игриво рассмеялась красавица, явно довольная его словами. – Откуда у тебя деньжищ столько? Ты, может, незаконный сынок какого-нибудь милорда, а? В самом деле, Эливерт, ты чем занимаешься?

– Так… разным, – он сразу напрягся и растерял всё красноречие, – разными делами… Не забивай голову!

Она перестала улыбаться. В голубых глазах промелькнула догадка.

– Светлые Небеса! Ты… это… Ты из вольницы, что ли?

Он промолчал и отвернулся.

– Ох, Всеблагая! – Аллонда расстроенно вздохнула. – Вот как меня так угораздило? Слушай, давай-ка выметайся! И так, чтобы соседи не видели. Где дверь знаешь…

Она попыталась вскочить с постели, но тут же была опрокинута на спину. Он навалился сверху, зашептал горячо и сбивчиво, чередуя льющийся поток слов с беспорядочными короткими поцелуями:

– Голубка моя, ну что ты! Чего ты испугалась? Не надо меня бояться! Я не дам тебя в обиду, никому не позволю… Я без тебя жить не могу! Я без тебя сдохну просто от тоски! Аллонда, у нас всё будет! Клянусь! Будет дом, и деньги будут, семья будет, как у всех, детишки… Всё бросим и начнём жизнь сызнова. Хочешь? Хочешь, я всё это кину? Только скажи! Уедем из Эсендара, я брошу своё ремесло. Заживём как честные люди. Я тебе клянусь!

– Испугался? – фыркнула она, в голубых глазах – сумасшедшие искорки. – Вот, в следующий раз, подумаешь, прежде чем скрывать что-нибудь или врать. У меня разговор короткий!

Он выдохнул тяжко, покачал головой.

– Ведьма!

– Ладно, – она попыталась выбраться из-под него, – а теперь серьёзно – тебе и вправду пора. Второй день лавка простаивает… Мне работать надо.

– А я тебе всё возмещу, – пообещал Ворон, не торопясь её отпустить.

– Ты на дом копи, богатей! – засмеялась она. – Эливерт, в самом деле, давай прощаться… Приходи, как стемнеет. Я тебе сейчас второй вход покажу. Со двора, а не с улицы.

– Я знаю, где у тебя второй вход…

– Пошляк! Я про дверь…

– А я про что? – фыркнул Ворон, поцеловал в шею, поглаживая по бёдрам, подтянул её чуть выше. – Я же вор. Я сразу присматриваю все пути отступления. Сейчас уйду… Немножко ещё… Хорошо?

– О, Небеса! Прекрати! – засмеялась она. – Что ты опять делаешь?

– Ну… Ещё разок… На посошок… – мурлыкнул он в ухо Аллонде и слегка прикусил мочку.

9 В огне

Солнышко припекало всё сильнее. Над сырыми булыжниками мостовой поднимался едва различимый парок. Похоже, день снова будет жаркий…

До осени оставалось ещё больше двух месяцев, а денег у Эливерта уже накопилось достаточно. И можно было хоть сегодня уезжать, но он не спешил сообщить об этом Аллонде.

Нет, Ворон не передумал и не пожалел о своём предложении. Он даже отдал распоряжение одному надёжному человеку заняться поиском их будущего дома. Не в столице правда, как изначально хотела Аллонда, а где-нибудь на окраине. С этим она уже почти смирилась.

В столице, конечно, людей много, и затеряться проще.

Да и нравилась атаману старая часть города Кирлиэса. Вокруг королевского дворца всё было помпезно-кричащим, раздражающим, а вот дальше, за рекой – уютные улочки, много садов и деревьев, и дома не такие роскошные, но живые, настоящие, светлые, так похожие на дом из его детства.

Но всё-таки с таким прошлым, как у Ворона, спокойнее жить где-нибудь у границы, в глуши, где никому не придёт в голову тебя искать.

Он склонялся к Эстиу, земле в Северо-Западном Пределе. Горы до небес, сосновые леса окружают старинный город, зимой даже снег иногда бывает. А ещё река… Эстиу стоял на берегу сказочно красивой речушки.

На дом там уже должно было хватить, но Ворон решил подстраховаться. Всё-таки у его зазнобы аппетиты неумеренные, вдруг захочет особняк под стать замку владетеля Эстиу милорда Данкалнау. А у него не хватит на такой… И что тогда делать? Глазами хлопать, дескать, давай другой поищем, по средствам?

Да и нужен запас золотишка на первое время, пока обживутся.

Ворон планировал завязывать с воровством, а значит, нужно будет собственное дело начинать, скорее всего, торговлю. В делах купеческих атаман разбирался не хуже тех, кого грабил.

Второй вариант – кузница. В этом деле опыт у него был хороший, больше трёх лет пахал на кузнеца Горбача денно и нощно. Но только вот делал он это не добровольно, а будучи рабом безвольным. И потому работа такая в душе настолько тесно сплеталась с воспоминаниями о худших днях его жизни, что хотелось зажмуриться и сбежать куда подальше.

Ладно, с этим разберётся потом… После свадьбы. Не пропадёт. Голова есть на плечах, руки-ноги на месте, а что ещё надо? Остальное лишь от него будет зависеть.

Эливерт давно привык не ждать подарков от жизни. Хочешь жить – умей вертеться, хочешь жить хорошо – вертись в три раза быстрее. А когда твоя женщина любит носить глейнские жемчуга и плащи из меха макдога, тут уж изворачивайся наизнанку…

Ради Аллонды хотелось изворачиваться, вертеться, прыгать выше головы, идти на неоправданные риски… Ради Аллонды хотелось жить. Хотелось так, как никогда прежде.

И пусть Нивирт глумится – вот влюбится по-настоящему, поймёт, что значит женщина в жизни мужчины.

Все эти гулянки, девки, вино, разговоры до утра и смех до слёз, дороги и просторы, опасные ночные вылазки, драки и потехи, и даже удовольствие от хорошо провёрнутого дельца – всё это не идёт ни в какое сравнение с простым человеческим счастьем – просыпаться утром рядом с любимой женщиной.

Не сказать, чтобы всё было гладко. Порой и они ссорились. И это всегда было так – у-у-у-х! Стены в доме дрожали, и стекла звенели. Будто две молнии грозовой ночью схлестнулись в тёмном небе.

Аллонда вообще любила уколоть, поиздеваться, задеть… Но он снисходительно прощал ей стервозность, как прощал и многое другое.

Не мог только понять – зачем? Не мог понять, как можно намеренно сделать больно тому, кого любишь.

Он тоже не подарок. И порой заслуживал. Но эту её особенность понять никак не выходило.

Ему никогда не нравилось причинять боль. Даже врагам.

Иногда приходилось. И бить, и пытать, и убивать уже приходилось. Но от этого всегда было тошно. Какая в этом может быть радость?

А вот в пылу ссоры он тоже не думал над тем, что говорил. И тогда они сцеплялись как бешеные псы. Рычали и кусали, не отдавая себе отчёта.

А потом мирились. Также буйно и неистово, как ссорились.

Иногда Элу казалось, что Аллонда устраивает сцены нарочно, ради вот этих безумных примирений. Он не знал ни одной женщины столь ненасытной и жадной до любовных ласк.

И лишь одно временами смущало… Она никогда не мечтала о том, что будет. То есть, наверное, мечтала, но не говорила об этом вслух.

Он считал дни до осени, болтал о том, как лучше устроить свадьбу, где купить дом, как они заживут там вдвоём, и сколько у них будет детей. Она всегда улыбалась в ответ и иногда добавляла новых красочных подробностей, но никогда не начинала эти разговоры сама. Это было странно…

Он думал, что все женщины мира только и мечтают о том, чтобы выйти замуж. Его бывшие подружки зачастую начинали мечтать о таком без всякого на то повода, едва стоило сказать: «Добрый вечер».

Хотя… что он в этом понимал?

Подружек было не так уж густо. Нет, спал он со многими (всех уже и не вспомнить), но это всё было так мимолётно, пусто. Одно дело – кувыркаться в постели, другое – две жизни в одну соединять…

Жить вместе. Это было ново, непривычно, сложно.

Ворон давно уже привык быть одиночкой, никогда прежде ему не нужно было оглядываться на других.

Нет, был верный друг Нивирт, были братья из вольницы. И за них он отвечал, тут не поспорить. Но женщина рядом – это совсем другое.

Пришлось с невесёлым смехом признать, что жить, как все обычные, нормальные люди, он просто не умеет.

Но он учился… Учился прилежно и быстро. Учился дарить подарки, выводить свою даму в милые её сердцу места, галантно ухаживать за столом, говорить приятности, расчёсывать её белокурые локоны вечером перед сном, выбирать для неё одежду и украшения, приносить что-нибудь вкусненькое с рынка, обнимать и целовать просто так, а не потому, что сейчас хочется трахнуть, присылать ей короткие записки о том, что ему надо задержаться или уехать, дабы она не ждала и не волновалась понапрасну. Он учился думать о ней больше, чем о себе. И у него получалось…

И он радовался, как ребёнок, этому новому. Ворону казалось, что он уже созрел, что пришло время остепениться. Очень хотелось скорее сыграть свадьбу. А для этого нужно провернуть ещё одно дельце, сорвать куш побольше, и всё – свобода!

Вручит своих ребят в надёжные руки Нивирта, и сбежит с любимой подальше… Ищите ворона в небе!

10 В огне

Кто он такой, Аллонда догадалась довольно быстро. Может быть, даже сразу, ещё в то, самое первое, утро. Ума ей было не занимать. А тут и гадать много не нужно.

Эливерт…

Наречие Юга и Севера не имело существенных различий, кирлийцы понимали герсвальдцев без труда. Имя его на герсвальдском диалекте означало «ворон». И Аллонда, жительница Эсендара, большого торгового города у самой окраины Кирлии, конечно, это знала – северян здесь всегда хватало с лихвой.

О том, что сам он с Севера тоже догадалась легко, хоть в отличие от тёмных северян (спасибо за это матушке-южанке) был он русым и сероглазым.

Эл и не собирался таиться. Когда она спросила пару дней спустя, есть ли у него родня, честно ответил, что мать и сестру не видел много лет, с тех пор, как их деревню разорили и всех угнали в рабство. А отец сбежал. Или, возможно, его тогда убили.

Была ещё тётка Иланга, но про неё говорить и вспоминать не хотелось вовсе. Да и, пожалуй, её тоже уже много лет нет в живых. Пусть! В Бездне ей самоё место, проклятой!

– Значит, я правильно подумала, что ты из Герсвальда, – спокойно кивнула его белокурая голубка. – Вифриец?

Эл кивнул, чуть напрягаясь. Понятно, что с Севера – в Кирлии не было рабства. Понятно, что из Вифрии – только там северная и южная кровь смешались настолько, что мог получиться такой вот парнишка, не похожий на герсвальдцев вовсе.

А ещё она знает, что он из вольницы, что денег у него немерено… У простого воришки столько откуда?

Ворон. Вифриец. Вор.

Да уж! Кто же ты такой, Эливерт?

Байки про Вифрийского Ворона ходили в Великом Городе не только среди вольницы – мирный люд тоже был наслышан. Все знали, что эрр Лахти, эсендарский Глава стражей порядка, посулил тысячу фларенов за голову неуловимого разбойника и по двести фларенов за любого из его шайки.

Эливерт выжидающе смотрел на неё. Она помолчала задумчиво, подошла, уселась на колени, обвивая за шею руками, мягкие губки скользнули по его губам, заставляя забыть все тревоги и страхи.

Долгий поцелуй…

Потом она заглянула в его глаза, спросила без привычного ехидства:

– А кому ты доверяешь, Эливерт? Есть в этой жизни хоть кто-нибудь, кому ты веришь?

Он пожал плечами, не зная, что ответить.

– Мне, – шепнула она чуть слышно ему в ухо, – мне ты можешь верить. Я никогда тебя не предам, Ворон. Я никогда тебя не предам, любимый, поверь!

Он обнял её двумя руками, прижимая к себе крепко-крепко, и не сказал ничего. Слова были не нужны…

***

Движение за спиной Эл уловил каким-то внутренним чутьём. Звериная натура присуща любому хорошему вору. Чувствовать такое, что словами не объяснишь. Просто угадываешь, просто знаешь. Ведь глаз на затылке нет, и даже сквознячком не повеяло, но сейчас он резко пригнулся и вильнул в сторону, развернулся стремительно, готовый отразить удар. Нападавший пролетел мимо, споткнулся и едва не растянулся во весь свой немалый рост.

– Жить надоело? – зашипел Эливерт. – Сколько раз говорить – не подкрадывайся так! Чиркну пером не глядя – будешь знать!

– И тебе доброе утро, братишка! – широко улыбнулся Нивирт, на его смуглом лице не было и тени раскаяния.

Вот он был настоящим северянином – темноволосый, кареглазый, статный красавец, на полголовы выше Ворона, и уж точно шире в плечах. Он казался сильнее, мощнее и старше. Но в шуточных схватках приятелю ни разу не удавалось одержать верх над Вороном. Не хватало ловкости. Нивирт при всех преимуществах был довольно неуклюж и медлителен.

А Эливерт с детства отличался изворотливостью. Шустрый до неуловимости, гибкий, хваткий и… хитрый. Соображал он очень быстро. И не просто махал кулаками, Эл успевал думать, угадывать: куда нанести удар, что делать через мгновение, что выкинет сейчас противник. Ворон не проигрывал никогда. Но Нивирт всё равно упрямо пытался его подловить и хоть раз застать врасплох.

– Наидобрейшее! – усмехнулся Эл, сгребая приятеля за плечи. – Пойдём-ка выпьем бутылочку «Жемчужной лозы», пока время позволяет! И надо будет заскочить к мастеру Злуту по дороге…

Нивирт насмешливо покосился на друга.

– Так… рожа счастливая, как у того дурачка, что просит милостыню у храма Великой Матери, на шее – новый засос… Ты никак опять у своей голубушки ночевал?

– А где же мне ещё ночевать? – хмыкнул Ворон. – Вот женюсь, совсем к ней переберусь.

– Так и теряют лучших друзей, – вздохнул Нивирт, и оба дружно захохотали. – Не уберёг я тебя от белокурой ведьмы. А к Злуту на хрена? Ворон, ты опять ей цацки покупать будешь? Сколько можно? Вам уже ювелирную лавку открывать пора.

– Неплохая мысль, кстати, друг мой… Может, завязать с воровством и камушки продавать?

***

К ювелиру решили зайти сразу, а уж потом дальше.

Увидав, кто пожаловал, невысокий полноватый хозяин лавки спешно выкатился из своей мастерской в комнатку для встречи посетителей.

Вообще, гостей обычно встречала его дочь. Была она учтива, молода и хороша собой, благодаря этому и торговля шла у них на редкость бойко.

Конечно, в том была не только заслуга девчонки, старый Злуту творил изделия невероятной, просто сказочной красоты и отменного качества.

Барыгой мастер не был, но всё-таки некоторые связи с вольницей имел. Потому знал в этом городе побольше многих, но умел мудро держать язык за зубами, за что Эливерт испытывал к нему неподдельное уважение и даже симпатию.

Сейчас Злуту повелительно махнул дочери, чтобы исчезла пока с глаз долой, чем изрядно огорчил Нивирта, уже давно лелеявшего мечты по совращению хорошенькой дочери ювелира. На его несчастье, та была не только мила, но ещё и благовоспитанна, и очевидно надеяться молодому разбойничку было не на что, но он, как обычно, не унывал.

– Проходите, гости дорогие! Присаживайтесь! Чем угостить? Для винца, пожалуй, ещё рано, или подать?

– Для хорошего винца, эрр Злуту, нет неподходящего времени, – засмеялся Ворон.

– Извольте! Сейчас… – закивал учтиво хозяин, но Эл его перехватил.

– Нет, нет, эрр Злуту, мы спешим. Не беспокойтесь!

– Да как же это! – мастер огорчился вполне искренне. – Только пришли и …

– Ну, не последний раз ведь… – похлопал его по спине Эл. – Я к вам по делу. Вы ещё не продали то жемчужное ожерелье? В прошлый раз мне показывали…

– Нет, – удивлённо покачал головой ювелир. – На такое изделие, мой дорогой эрр Эливерт, покупателя найти не так просто… Сами понимаете – глейнский жемчуг! Не всякий у нас готов сто фларенов выложить.

– Считайте, нашёлся такой, готовый… – усмехнулся атаман. – Несите скорее сюда своё сокровище, эрр Злуту!

– Благодетель вы мой! – ахнул старик. – Вот что значит – понимающий человек! Я сразу разгадал, что вы ценность-то постигли. Такой жемчуг… Его видеть надо, чувствовать… Камни, они же, как люди, они живые. Сейчас я, мои милые, сейчас! Обождите, принесу!

Мастер, шаркая ногами, убрёл в глубину дома.

– Ворон! – шёпотом заорал Нивирт. – Сто фларенов! Ты очумел?

Эливерт только улыбнулся самодовольно.

– Твою ж! – вздохнул его друг и покачал головой. – Сто фларенов. Сто! Иногда мне очень хочется трахнуть твою девку, просто чтобы понять, чем она тебя взяла…

Движение было молниеносным. Нивирт моргнуть не успел, а цепкие пальцы Ворона уже впились ему в горло.

– Прости, прости… – с трудом прохрипел Нивирт, отмахиваясь беспомощно и нелепо.

Железная длань разжалась. Паренёк закашлялся, хватая воздух ртом.

– Эй, брат… Ну, правда, прости меня! Знаю, что дурак! – провыл Нивирт, отдышавшись.

– Забыли! – ледяным тоном отозвался Эливерт.

Когда вернулся эрр Злуту, прижимая к сердцу шкатулочку с драгоценным ожерельем, оба приятеля уже болтали о какой-то ерунде, и никому бы в голову не пришло, что случилось пару мгновений назад.

11 В огне

– Слышь, брат, погоди-ка! – Нивирт поймал Эла за локоть. – Давай потолкуем вон там в теньке…

– Опоздаем… – покривился Ворон. – Что, по пути никак?

– Никак. Без тебя всё равно не начнут, – широко ухмыльнулся северянин. – Ты только мне в горло опять не вцепляйся, выслушай спокойно! Эл, ты же знаешь, что я тебе зла никогда не пожелаю. Ты – мой друг, самый верный, единственный и настоящий. Брат, мы с тобой столько вместе прошли! Я за тебя убью, и ты за меня убьёшь. Уже убил. Ворон, никогда я не забуду, что ты из-за меня первую кровь пролил, из-за меня и за меня! Шкуру мою спас. Ты даже не задумался тогда, что с тобой за это сделают… Если б не ты, Горбач бы меня насмерть забил, и не было бы уже Нивирта на свете белом. Такое ведь не забывается, брат, такое не забывается…

– Знаю, – смущённо кивнул Ворон. – Ты чего это разошёлся? Ты из-за… Брось, Нив! Ну, погорячился… Да разве я бы тебя… Просто… Ты мне такое не говори больше! Иначе я за себя не отвечаю…

– Вот именно! Вот именно, что не отвечаешь! – друг вцепился ему в плечи, заглянул в лицо. – Я не буду о ней ничего говорить. Мне до неё нет дела. Я о тебе говорю. Послушай, у меня за тебя душа болит, за тебя! Ты же свихнулся совсем! Да, она красивая, и умная, и что там ещё… не знаю… Но так нельзя. Она с тебя даже не верёвки вьёт, а… не знаю… Ты доиграешься! Ты это понимаешь? Ты вообще понимаешь, что с тобой происходит? Может, это приворот, а? Я всё смеялся, что она ведьма. А может это и вправду так? Я не от зависти это говорю, не от ревности, не от глупости. Ты же друг мой, я помочь хочу. Ты же мне веришь? Ты знаешь, что я плохого не скажу. Брат, ну, брось ты её! Брось, пока не поздно…

– Брошу, – покорно кивнул он.

Нивирт улыбнулся счастливо, но, как оказалось, раньше времени.

– Брошу скоро. Только не Аллонду… Вот это я всё брошу. Я уезжаю из Эсендара. Женюсь и уеду. Ещё не знаю куда, но не позднее осени. А ты за меня останешься. Атаманом будешь. Вот так!

Нивирт замер озадаченно, хлопнул пару раз глазами и добавил задумчиво:

– Слушай, а может, мне её убить? Вдруг тебя отпустит?

– Я тебе убью! – засмеялся Эл и отвесил ему подзатыльник. – Пошли! Братцы заждались теперь…

***

Ох, ну и денёк выдался! Жаркий, как и предполагалось с утра. И не только по погоде. Эливерт не вернулся к полудню. Отправил пацанёнка с запиской, чтобы Аллонда ждала его только к вечеру.

Сходка затянулась. Обсуждали новое дельце. Хотелось провернуть что-то серьёзное и дерзкое.

У Нивирта чесались руки добраться до денег, что король выделил на укрепление северных рубежей и самого Эсендара. В Кирлии всё чаще говорили о назревающей войне с Севером. И король Кенвил, похоже, решил подготовиться к нападению заранее и послал в Эсендар целый отряд своих рыцарей и сундук с крупной суммой денег.

Эту мыслишку Эл сразу отмёл…

Во-первых, переть на целый отряд рыцарей, охраняющих казну, даже из хорошо продуманной засады, он счёл самоубийством. Во-вторых, грабить казну на пороге войны было как-то подло и не патриотично.

На возражение Нивирта, что они, дескать, северяне, и грабить южную казну это как раз патриотичнее некуда, Ворон со смешком сказал:

– Так что же ты тогда делаешь тут, друг мой? Вали в свой Герсвальд!

– Сам знаешь, меня там на первом же дереве вздёрнут, – обиделся Нивирт.

– Вот именно, – кивнул Ворон. – А тут ты, гад неблагодарный, третий год жируешь и радуешься жизни. Так что скажи спасибо южной земле! Кирлия теперь наша с тобой новая родина. Её и будем любить, беречь, а если прижмёт – и защищать!

Он оглядел своих ребят.

– Военную казну грабить – запрещаю! А вот северянам насолить – правое дело. Торговля-то пока у нас ещё идёт полным ходом. Я тут разузнал про несколько крупных торговых обозов из Энлисгорта, которые в наш славный город прибыли. Товары купцы северные уже почти распродали. Через неделю, примерно, они отправляются обратно. Поедут все вместе, чтобы безопаснее было. И все деньжата, что за это время наторговали, разумеется, с собой повезут. Так вот, я думаю, а не проводить ли нам их в путь-дорогу? Немного…

Потом ещё долго всё обсуждали, решали, что да как…

Как разведать, каким путём поедут обозы. Где засаду сделать. Кто нападать будет, кто прикрывать, так чтобы без потерь обошлось. Как обратно потом вернуться, чтобы самим в западню какую-нибудь не угодить. Где сходку собрать, добычу поделить. Вопросов много, забот ещё больше.

Пришлось кое к кому наведаться. Потом вернуться в назначенное место, чтобы снова с ответственными парнями перетереть.

Он набегался так, что ноги уже гудели. Да ещё жара доконала.

К вечеру Эливерт мечтал об одном – упасть и не вставать. Но он обещал Аллонде ужин в «Кубке», и нельзя было обмануть её ожидания.

К счастью, она уже принарядилась, и можно было выдвигаться сразу. Эливерт умылся и переоделся по-быстрому. И они отправились в один из лучших трактиров города.

Наверное, от усталости (или от вина) у него жутко разболелась голова. И он нетерпеливо поджидал возможность утащить подругу обратно домой.

Повод нашёлся быстро. Эл вспомнил, что оставил свой бесценный подарок в спальне, когда переодевался.

Аллонда, разумеется, захотела поскорее глянуть, что там за гостинец такой, и ему попеняла – дескать, сейчас бы сидела тут, красовалась.

– Да ладно, не в последний раз ведь… – улыбнулся он. – Пойдём домой?

Она кивнула с улыбкой.

12 В огне

Аллонда умчалась наверх примерять ожерелье, и он, услыхав её восхищённые возгласы, непроизвольно улыбнулся. Голова по-прежнему раскалывалась, но радость любимой отвлекла на мгновение от таких мелочей, как усталость и боль.

И всё-таки, что бы такое сделать… Выпить, может, настойки какой-нибудь? Как-то Аллонда лечила его с похмелья…

Он распахнул резную дверцу буфета на кухне, оглядел мелкие скляночки, пустую посуду… И замер.

На сердце похолодело, когда он увидел круглый тёмный флакон. Он знал, что это такое. Не первый день на свете живёт. И всё равно не поверил своим глазам. Взял в руку, покрутил, откупорил крышечку, в нос ударил горький запах полыни.

Захлопнул и так и остался стоять у раскрытого шкафчика.

Аллонда слетела вниз по лестнице, довольная как никогда… Увидела его и тотчас перестала улыбаться.

– Зачем? – тихо выдавил он из себя. – Зачем тебе это?

– Это я тебя хочу спросить: зачем ты суёшь свой нос, куда не просят? – голос белокурой прозвучал сухо и зло, его вопрос явно не пришёлся ей по душе.

– Я спрашиваю, зачем тебе эта дрянь? – рявкнул Ворон.

Эл сверлил её злым взглядом, и глаза его сейчас наверняка сверкали, как лёд на солнце. Он отчаянно пытался сдержаться и не рычать, но выходило не очень.

Она вздрогнула и ответила уже совсем другим, примирительным тоном:

– Ну чего ты раскричался? Мало ли, что там у меня стоит в шкафу. Подумаешь, купила на всякий случай…

– На какой случай, Аллонда? – прошипел он. – Хочешь травить наших детей? Зачем тебе это? Ты готова убить своего ребёнка? Моего ребёнка!

– О, Небеса! – взбеленилась она. – Что ты устроил на пустом месте? Каких детей убивать? Нет никаких наших детей. Я не беременна. И я это не пила!

– Но собиралась?

– Не собиралась я ничего. Не знаю, зачем мне это зелье. Просто купила…

– Просто так ничего не бывает. Почему ты не хочешь детей? Ты от меня детей не хочешь? Объясни причину! От меня?

– Хватит на меня орать! Прежде чем за детей говорить, ты женись на мне сначала!

– Да я хоть сегодня готов! А тебе оно надо? Не уверен я что-то... Надоели мне твои выкрутасы. Почему тебе так нравится издеваться надо мной? Я же обещал тебе – будут деньги, будут в срок, будет дом, будет свадьба… До осени два месяца осталось, а теперь, может быть, и раньше всё выгорит. И будешь ты моей женой. Так что тебе мешает дитя выносить? Что?

– Вот после свадьбы и про детей поговорим. А ублюдков я плодить не собираюсь…

–Ублюдков… Так ты о детях, да? – зло усмехнулся он и швырнул со всей дури в стену пузырёк.

Склянка буквально взорвалась, разлетевшись на тысячу осколков, маслянистое тёмное пятно расплылось по светлому дереву.

Аллонда испуганно вскрикнула.

Она никогда ещё не видела его настолько злым, как бы они прежде не ссорились. И сейчас явно испугалась по-настоящему. Но смелости ей было не занимать, как и гордыни.

– Хватит на меня орать! – повторила она ледяным тоном, и голос не дрогнул, не подвёл. – Ты кто такой, чтобы со мной так разговаривать? Выметайся отсюда! – она резко схватила себя за шею, швырнула на пол бесценные глейнские жемчуга. – И подарки свои забирай! Пошёл вон!

Поединок взглядов продолжался несколько мгновений: сверкающие бешеные голубые и ледяные яростные серые.

Он развернулся молча и направился к выходу во двор. Она стояла в проёме кухонной арки и не мигая смотрела ему в спину.

Эл открыл дверь, замер на пороге, с грохотом захлопнул её, развернулся и пошёл прямо на неё.

Он надвигался так стремительно, так решительно и жутко, что Аллонда попятилась в ужасе – верно, решила, что сейчас он её ударит или даже убьёт. Доигралась! Взгляд Ворона был красноречивее тысячи слов – он её сейчас придушит, точно придушит…

Он действительно схватил её за горло. Но как-то слишком деликатно для того, кто замыслил убийство.

А вот его губы сегодня были требовательными, жёсткими, не терпящими отказа…

Он впился в неё с такой безумной страстью, что у Аллонды должна была закружиться голова. Без лишних слов подхватил её на руки, сжал, лишая возможности сопротивляться, и почти взбежал по лестнице наверх…

В какой-то момент она запрокинула голову назад, демонстрируя изумительную шейку, и захохотала звонко.

Потом выгнулась обратно так, чтобы видеть его глаза и прошептала в лицо:

– Зверь! Дикий зверь!

Обожгла губы коротким поцелуем, будто ужалила. Отстранилась снова.

– Мой сумасшедший! Какой ты Ворон? Ты – зверёныш! Любимый. Мой. Дикий. Зверёныш.

Он закрыл ей рот очередным поцелуем, уже переступив порог спальни, потом швырнул, не церемонясь, на постель. Сегодня привычной нежности от атамана ждать не стоило, но, кажется, Аллонду это заводило ещё сильнее.

Может, Нивирт прав, и единственный способ избавиться от наваждения – убить эту белокурую ведьму?

13 В огне

Она лежала у него на груди, лениво теребила в пальчиках чёрную фигурку ворона. Вздохнула, на секунду коснувшись нежно губами его горячей кожи, вздохнула снова и чуть слышно шепнула:

– И почему ты вчера не ушёл?

– Что?

Она приподнялась, вглядываясь в золото рассвета, растекавшееся по окну спальни.

– Пора прекращать это всё… – серьёзно начала она.

Звучало не слишком обнадеживающе, но в то, что она сказала потом, Эл поначалу даже поверить не смог.

– Ты прав, хватит мне над тобой изгаляться. Пора эти издевательства прекращать. Я больше не хочу ничего ждать. Зачем? Можно ведь просто продать мой дом, – она посмотрела в его растерянное лицо. – Он стоит дорого. Тут ещё лавка, и всё остальное. А зачем он мне, если нам уезжать всё равно? Вот и будут деньги на новый дом, ты своих добавишь, и заживём не хуже, чем здесь. Лавку откроем, да? Вместе. И не обязательно в Кирлиэсе. Ты куда хотел, в Эстиу вроде? Давай туда! А в столицу просто свозишь меня как-нибудь – очень хочется мне на золотые башни королевского дворца посмотреть… Да?

– Свожу, конечно, свожу! – он тоже сел, заглянул ей в лицо, улыбаясь светло и счастливо. – Аллонда, ты не шутишь? Голубка моя, любимая! Прости меня, дурака…

Он привлёк её к себе, обнял, лаская пушистые кудряшки.

– Это ты меня прости! – она отстранилась, отвела взгляд. – За все мои выходки… прости! Но ты пойми – мне же тоже обидно, что ты мне не доверяешь совсем. Я ведь тебе говорила – верь мне, я никогда не предам! Помнишь?

– Ясно-понятно, помню… Почему ты думаешь, что я не доверяю?

– Зачем ты вчера в этот буфет полез? Что искал?

– Да голова у меня болела. Полечить хотел… Полечил, называется, – невесело хмыкнул он.

– Правда? – недоверчиво улыбнулась она.

И оба рассмеялись.

– Вот хочешь, чтобы я была твоей женой и детей тебе родила… А что я знаю о тебе? Почти год мы вместе уже, а ты совсем ничего о себе не рассказываешь, – грустно упрекнула Аллонда. – Как я могу тебе доверять, если ты мне не доверяешь? Да девки, которых ты тискаешь по трактирам, побольше моего про тебя знают!

– Я никого не тискаю, – усмехнулся Ворон. – За этот год у меня никого, кроме тебя, не было. Ни одной, клянусь! Я тебе не изменяю, золото моё.

– Хорошее начало разговора, – улыбнулась она довольно. – Но мне этого мало. Эл, я хочу всё про тебя знать. Куда ты ходишь, с кем дружбу водишь, что за страшные и таинственные дела вы творите? Я не испугаюсь, поверь! А может, даже помочь смогу… Знаешь, умные мужчины слушают советы своих умных женщин, и это им только на пользу идёт. Ты же знаешь, что я у тебя умная?

– Ты у меня лучше всех!

– Так откройся мне, Ворон, хоть чуть-чуть! Я уже устала напрашиваться… Не хочешь меня на свои сходки брать – не надо. Так хоть расскажи что-нибудь про жизнь твою, про прошлое… Как я могу любить того, кого и не знаю совсем?

Он наклонился к ней, целуя в волосы, вдыхая сладкий аромат цветов, заглянул в голубые озёра глаз:

– Что ты хочешь знать?

– Всё хочу знать, – ободряюще заверила она. – Вот твои друзья… Тот тёмный паренёк, с которым я тебя несколько раз видела… Он кто?

– Нивирт – мой друг. Лучший друг. Он мне как брат.

– А откуда ты его знаешь?

– Мы с ним вместе подмастерьями в кузнице были…

– Ух ты! – она оценивающе погладила его крепкое плечо. – Ты в кузнице работал? Что ты там делал?

– Всё делал, что прикажут, – фыркнул он. – Мы оба рабами были.

– А-а-а-а, – печально протянула она. – После того, как на вашу деревню напали… Ты говорил.

– Нет, тогда я ещё мал был для кузни. Не помню точно, мне вроде и восьми ещё не было. Маму и Ланку, сестру мою старшую, по дороге в Левент купили. А нас с тёткой сдали в «каменоломни».

– Это где рабов бьют? – нахмурилась Аллонда.

– Там… много чего делают. Я, на своё счастье, всего дней десять пробыл в подземельях. Или около того. Там, знаешь… день за год кажется, – Эл вздохнул тяжело. – Потом нас с тёткой купил один… любитель красивых мальчиков. Я даже не знал тогда, что такая мерзость на свете бывает. У нас в деревне таких выродков, ясно-понятно, не водилось. Никому бы в голову не пришло детишек… – Эливерт скривился так, будто его затошнило. – Не смотри так! Я уже тогда счастливчиком был. Небеса меня от позора уберегли. Этот урод сперва хотел меня отмыть и вшей вывести. А я дожидаться не стал – сбежали мы с тёткой по дороге, пока возможность такая была.

Эл замолчал на время.

– Бродяжничать стали. Возвращаться нам было некуда. Вот тогда и воровать начал. Тётка приучила. Жили мы тем, что я добывал. А потом она меня тому кузнецу продала. Горбачу.

– Как продала? – ахнула Аллонда.

– Как, как? За деньги! Пила она много. Вот, деньжат не хватало на пойло – она и придумала, где их взять. Наверное, ещё неделю потом глотку заливала на те тридцать фларенов. А я на три года попал в Бездну. И сам Владетель Мрака учил нас покорности…

Она придвинулась ближе, обняла, прижав его к себе.

– Мой бедный волчонок… Так вот откуда у тебя столько шрамов на спине… Плеть?

– И плеть, и кнут, и кочерга… И Горбач, и ещё с «каменоломней» память осталась, и драки уличные. Всё было, милая моя! Хотела знать, как я жил? Вот теперь слушай!

Ворон усмехнулся недобро и заговорил торопливо, словно в омут с головой нырнул в эти тёмные воспоминания:

– Унижение терпеть бесконечно я не собирался. Мы с Нивиртом тогда уже спелись и стали готовить побег. Но ничего не вышло. Нас сдали свои же. На Севере за попытку сбежать рабов ждёт смерть, а любого, кто им поможет – жестокое наказание. Пацанята у Горбача сдрейфили, что с них шкуру снимут, и заложили нас. Нивирт первым под раздачу попал. Горбач ему тогда руку сломал и рёбра. Кочергой. Наверняка бы забил насмерть. Наверняка…Там была заготовка клинка. Ещё не доделанный, но… Острая штука… Я сам не знаю, как у меня сил достало её Горбачу в спину воткнуть…

– Ты его убил?

– Ясно-понятно, убил, Аллонда! А у меня разве был выбор? Нет, выбор был – друга позволить убить и самому следом сдохнуть, зато пожалеть эту тварь бессердечную…Только вот не по мне такой выбор! – Эл помолчал. – Это… моё первое убийство…

– А потом ещё были?

– Ох, солнышко ты моё белокурое, я – разбойник… Ну, как ты думаешь, были, а?

Она кивнула понимающе.

Эл вздохнул, продолжил нехотя:

– Мы сбежали, не дожидаясь, пока нас вздёрнут. Некоторые из тех пацанов с нами пошли. Другие разбежались кто куда. С нами оставаться было страшно. Раб, поднявший руку на своего хозяина… Ладно, лучше тебе не знать, что с такими рабами делают… А я с дружками нашёл шайку таких же оборванцев. Дети подворотен, стая. Правильно ты говоришь, голубка моя, все мы оттуда – зверёныши. На улице свои законы, моя милая, беспощадные законы. Или ты, или тебя! Конечно, мне доводилось убивать… Аллонда, там… по-другому просто не бывает… Так и пошло-поехало. Вник постепенно, сначала с мелкотой ошивался, потом вес приобрёл, в атаманы выбился. Шайку свою собрал из малолеток, себе под стать.

– Сколько тебе было тогда?

– Когда Горбача порешил? Почти тринадцать… Пару лет мы там куролесили по всему Герсвальду своей вольницей. Славу приобрели… Но славу такую, знаешь, паршивенькую… Потом легавые на нас такую охоту устроили, не продохнуть. И мы сюда слиняли, в Кирлию, – Ворон улыбнулся. – Эсендар мне сразу глянулся. Самый большой город на Юге. Вору тут раздолье. Вот так, мало-помалу, и тут в атаманы пробился. Опять парнишек толковых подсобрал. Теперь вот байки про меня разные сочиняют. Слыхала?

– А как же! – хмыкнула Аллонда. – Говорят, Глава стражей порядка за твою голову тысячу фларенов обещает?

14 В огне

– Отстаёшь от жизни! – усмехнулся Эл. – Нивирт сказал, уже до полторы вознаграждение подняли.

– Ничего себе! – рассмеялась она звонко, взъерошив его волосы. – Какой у меня дорогой мужчина! Милый, а может мне тебя сдать? Я же до конца дней буду жить как королева! Или посоветуешь до двух тысяч подождать?

– А за любого из наших по триста…

– А сколько их у тебя? Ну, в подчинении?

– Сорок семь.

– Ого! Слушай, тут не только дом, тут полгорода можно скупить! Ворон, давай пару-тройку твоих ребят отправим стражам… А? Ну, будет их сорок пять…

Заметив, что он нахмурился от её шуток, она взгромоздилась к атаману на колени, и, обвив шею руками, поцеловала нежно и сладко.

– Не сердись! Мне просто льстит, что я владею настоящим сокровищем! Не каждая может похвастать таким мужчиной. Знаешь, теперь слова «мой дорогой» приобретают для меня несколько иной смысл…

– Опять издеваешься…

– Нисколько, мой дорогой! Слушай, а атаман в вольнице это как? Ты самый главный там?

– Нет, я над своими только главный. А в городе мы же не единственная шайка. Таких много – есть человек по двадцать, а есть и побольше нашего. Ребятки работают, а я, вроде, их голова. Они у меня толковые, но молодые, безбашенные, осторожности и ума порой не хватает. Так что их направлять надо. А мне с этого, понятно, своя доля положена. Я в свою очередь тоже кое-кому подчиняюсь. В каждом крупном городе такой человек есть, который за всей вольницей присматривает, ну… чтобы между собой не собачились, не беспределили. Им тоже мзду платишь с общака.

– Общака?

– Ну да… С награбленного всякий свою долю имеет, но есть ещё такая часть, неприкосновенная до поры до времени.

– Ух ты! Любопытно как всё у вас устроено. Слушай, а эти главные – они, выходит, как милорды, да, как владетели земли?

– Вроде того, – кивнул Эл. – И свой воровской король у нас тоже имеется. Самый-самый главный. В Ялиоле обитает. К нему так просто не попадёшь.

– А ты… в смысле, атаман… Это тогда как кто? Как милорд?

– Нет… Скорее… не знаю, вроде сотника, наверное, или предводителя в рыцарском отряде…

– А! Ты, выходит, как эрр Лахти. Ну, который всеми стражами порядка в Эсендаре заправляет. Только… наоборот.

– Вот только с этой мразью меня сравнивать не надо! – скривился Эливерт.

– Прости! А почему он за тебя столько денег обещает? – допытывалась Аллонда. – Ты ему где-то дорогу перешёл?

– Не знаю… – пожал плечами Ворон.

– Честно?

– Правда, не знаю. Лично я с ним не знаком. Так издали видел. Чего он именно на нас взъелся? Может, знаешь, как у охотников – хочется изловить самого хитрого и матёрого зверя. Давай не будем про него!

– Давай! – она улыбнулась. – Слушай, ну а сходки вот эти, куда ты вечно уходишь… Там что?

– Дела решаем, планы строим, договариваемся…

– Вот бы хоть одним глазком глянуть и послушать…

– Аллонда, уши покраснеют, это слушать…

– А что у вас там всякие словечки свои, да? Так говорят. Скажи мне что-нибудь поворовски… Так любопытно!

Он засмеялся и шепнул её на ушко.

– Забавно. А это что?

– А ты догадайся!

Она размышляла пару мгновений, потом прыснула смехом.

– Ах ты, пошляк! Эл, а как вы на эти сходки собираетесь? Ну… вы заранее сговариваетесь?

– А как же!

– Это в каком-то месте определённом?

– В разных…

– Ну да, я тоже так подумала… – задумчиво кивнула она. – Много раз в одном – это же опасно. Могут подловить… Я бы каждый раз в новом собиралась.

– А ты у меня – голова!

– Я же говорю, умный мужчина спрашивает совета умной женщины, – усмехнулась она.

– А вообще есть у вас логово какое-то, или как?

– А зачем оно нам?

– Ну... Не знаю. Прятаться… Деньги вот эти хранить. Как они там… Общие. Или ты их у себя держишь? Кстати, Эл, а где ты живёшь? Ты меня к себе ни разу не звал…

– Нигде я не живу, – усмехнулся он. – То там, то сям. Последний год вот у тебя всё больше… А дома у меня нет. На одном месте долго оставаться опасно. А всё, что нужно спрятать, прячем в надёжном месте.

– С ума сойти! – голубые глаза Аллонды сияли возбуждённо. – Вот сколько всего интересного у тебя в жизни! А ты от меня всё это скрывал. А вдруг я бы помочь чем-то могла. Ты сказал, что вчера вон целый день бегал… Расскажи, что замышляете? Жуть, как интересно!

– Обоз хотим обнести, купеческий…

– Купеческий?

– Да, герсвальдцев пощипать…

– О! Северян надо! В городе все болтают, что скоро будет война с Севером.

– Вполне возможно… Но мы с тобой к тому времени уже будет мирно жить в Эстиу.

– Значит, купцов грабишь. Ворон, а я ведь тоже купчиха. Выходит, и меня могли бы обокрасть, если бы я с тобой не спала?

– Могли… – кивнул он. – И даже собирались. Незадолго до э… нашей встречи, на твою лавку один парняша глаз положил. Не из моей шайки, так… знакомый. Это я потом узнал. Не вломились они к тебе лишь потому, что я тут ошивался. Они, дураки, подумали, что я тоже к тебе в сундуки залезть собираюсь. Узнали, что я в постель метил, а не в кошель – хохотали до слёз.

Он запустил руку в её волосы, перебирал нежный, светлый шёлк. Аллонда льнула к его руке, как кошка.

– Ты вообще кусочек лакомый. Живёшь одна, никакой охраны, никаких мужчин в доме, деньгами не обделена, и всё своё богатство тут, в доме, держишь. Весьма неразумно… Ещё бы повезло, если б только грабежом отделалась. Ты слишком красивая, чтобы просто забрать деньги и уйти.

Аллонда испугано захлопала глазами.

– Вот так новости! А почему ты не сказал? Я бы что-нибудь… не знаю…

– Да теперь какая разница? Нынче все, кому надо, знают, что ты – моя женщина. А кто мою женщину посмеет тронуть?

– Мне нравится, как ты это говоришь… Моя женщина...

– Но ведь так и есть. Ты – моя женщина. Всё, что я делаю, я делаю ради тебя. Ради тебя живу. Ради тебя я готов воровать. Ради тебя готов лгать. Ради тебя готов драться хоть с тысячей врагов за раз. Ради тебя готов отказаться от всего, что было. Ради тебя я даже умереть готов. Всё ради тебя! Вот погоди, если с обозом получится, как задумал – я такой кусок отхвачу, что сразу можно будет и свадьбу сыграть, и дом купить. И твой продавать не надо будет.

– Здорово! Расскажешь мне потом, как всё продвигается? Мне теперь так интересно знать про всё. Я как будто тоже в твоей вольнице, – хихикнула она.

– Атаманша моя!

Эливерт потянулся, зевнул и откинулся обратно на подушки. Время ранее, можно ещё поваляться в постели.

– А то! – гордо хмыкнула красотка, оседлав его сверху. – Кстати, я же тебя за ожерелье не поблагодарила. Очень красивое…

– Я хочу, чтобы у тебя всё было самое лучшее и самое красивое, как ты сама!

– А у меня для тебя тоже есть подарок… – загадочно мурлыкнула она. – Закрой глаза! Закрой, закрой, не подглядывай!

Он послушался. Она склонилась над ним, её длинные мягкие волосы щекотали грудь, пальчики игриво пробежались по лицу, губы мягко скользнули по шее, спустились ниже…

– Не подглядывай! – смеясь, пригрозила она.

Горячие влажные поцелуи спускались всё ниже.

– Ах, Аллонда! – сглотнув, хрипло прошептал Ворон. – М-м-м-м…

15 В западне

Я бросился во мрак,
Я знал, что только так,
Из кожи вон
Я должен вас спасать.
Михаил Андреев

– Всё, я пошёл…

– Давай! – кивнула она. – Сегодня тебя уже не жду.

– Завтра, голубушка моя! Завтра… – Эливерта охватило волнующее предвкушение, как обычно, когда замышлялось что-то грандиозное. – Ну, хоть удачи пожелай!

– Удачи!

– Да что с тобой? Милая моя, что за хмурое личико? – Эл мыслями был уже далеко, но не мог не заметить настроение Аллонды.

Она вздохнула, пожав плечами, подняла, наконец, глаза.

– Так… Переживаю просто…

– Счастье ты моё! – Ворон поцеловал в лоб нежно.

– Эливерт, а может… они без тебя там обойдутся?

– Как это без меня? А кто за ними приглядит? Нет, такое дело на самотёк пускать негоже. Я парняш моих не брошу. Ну, я же атаман всё-таки, или кто? Если всё получится, завтра, как добычу поделим, своим скажу, что всё, уезжаем мы с тобой…

– Ладно, иди уже!

– Что, даже не поцелуешь меня на прощание? – усмехнулся вифриец.

– На прощание… поцелую… – улыбнулась она, обвила руками, прижалась всем жарким юным телом, крепко-крепко, припала жадно к его губам.

– Вот и как после этого уходить? – счастливо рассмеялся он. – Так и хочется тебя прямо сейчас наверх утащить! Но… потерплю. Не в последний раз ведь. Ну… До завтра! Прощай!

– Прощай! – вздохнула белокурая.

Он распахнул дверь и нырнул в бодрящую свежесть рассвета.

И он, разумеется, не видел, что было после…

Аллонда смотрела, как он исчез, растворившись в этой изменчивой утренней мгле. Заперла дверь. Постояла немного, медленно добрела до высокого кухонного шкафчика, достала запылённую бутыль с очень крепким самогоном и, вытащив пробку дрожащими руками, глотнула так, что по подбородку потекло. Огненное пойло обожгло гортань, часть она выплюнула, закашлялась, но тут же жадно глотнула ещё, и ещё. Потом всхлипнула громко, осела на пол, прижимая к себе полупустую бутыль, и завыла горестно, закрывая рот рукой.

***

Всё вышло даже лучше, чем задумывалось. Прошло, как по маслу.

Нивирт всю дорогу обратно до Эсендара восхвалял своего приятеля Ворона. Дескать, вот какой у нас атаман, башковитый да прозорливый, всё наперёд может предугадать, рассчитать, продумать.

На самом деле Эливерт счёл успех закономерным и не видел в своём плане ничего такого уж выдающегося. Подумаешь, выбрал удачно место для засады, да всё устроил так, чтобы купчишек не спугнуть раньше времени.

«На охоту» пошли всей шайкой. А в обозе всего шестнадцать человек, да и те неповоротливые увальни. Разве это сила против сорока восьми отчаянных сорвиголов? Нормальных бойцов, пожалуй, и пяти человек не было. Их скрутили в два счёта, связали. Убивать не стали. Зачем? Всё и так забрать можно, без лишней крови.

Поджидали обоз заранее…

Выбрали местечко на север от Эсендара, где с одной стороны к дороге подступал поросший густым лесом холм, а с другой – болотистый берег реки. Так чтобы купцам было не развернуться, не соскочить. Для верности ещё и канаву небольшую прорыли от реки к дороге, подпортили слегка тракт, чтобы обоз притормозил немного, а если повезёт и вовсе застрял.

А дальше осталось только разделиться на части и сидеть каждому в своей засаде, да поджидать толстосумов с их золотишком.

Дальше всё вышло именно так, как ожидал Эливерт. Может быть, сама Мать Мира сегодня благосклонно отвернула свой лик от разбойников и позволила свершить своё преступное дело без всяких трудностей и неудач. Но обоз герсвальдских купцов, появившийся ближе к закату, застрял ровно там, где должен был застрять.

Ребятки накинулись без проволочек – все как один. Напугали своим появлением северян так, что те особо и не сопротивлялись, сдались почти без боя, громко умоляя пощадить и сохранить хотя бы жизни. Их связали, чтобы не мешались. Проверили тщательно две телеги и четыре крытых возка, обшарили с ног до головы каждого купчишку, и счастливые удалились восвояси с таким богатым «уловом», какого прежде ни разу в руках не держали.

Добычу, как и всегда, не спешили свалить в одну кучу. Каждый вёз то, что умыкнуть удалось. Ворон не опасался, что кто-то награбленное припрячет от своих, дабы не делиться – крыс среди его ребяток не водилось. Всегда есть опасность на стражей порядка нарваться, и всё добытое за один раз потерять. А так… Даже если кто-то попадётся, потеряют лишь долю малую.

Но сегодня удача в руки шла, и можно было поимки не опасаться.

Вот сейчас в Эсендар вернутся, в назначенном месте соберутся, там и посмотрят, что им нынче послали Светлые Небеса. А там уже дело Эливерта поделить, что в общак, что братцам, что себе забрать.

Сходку назначили на самой окраине города, у Северных ворот. Там был маленький трактир, а в его подвальчике большая удобная комната, про которую ведал лишь хозяин, давно состоящий в вольнице, и шайка Эливерта. Вот туда сейчас и направлялась вся развесёлая стая Эливертовых «воронят».

Ясно-понятно, направлялась по раздельности. Через разные ворота, разными улицами и в разное время.

Эл, Нивирт и ещё двое их приятелей – бывший кузнец Давмир и беззубый верзила Кирт – завершали это шествие. Они в Великий Город вернулись уже глубокой ночью.

До трактира, где их ждала вся орава с добычей, оставалось не больше четверти часа пешего ходу. Полная луна услужливо освещала тёмные улицы, приглядывала с высоты за своими сынами, ведь они давно свернули с освещённых фонарями улиц города. В тишине раздавались только шорохи шагов да бессонные трели сверчков.

Довольный успехом Нивирт даже в сумраке ночи светился улыбкой. Чуть впереди проступали из темноты длинные силуэты Давмира и Кирта.

– Ворон, как думаешь, сколько там всего? Тыщ семь будет? – мечтательно прикидывал Нивирт.

– Да и десяток наберётся, пожалуй…

Эл тоже чувствовал себя безбрежно счастливым, и не только из-за богатой добычи. Особенно радовало, что обошлось без потерь и неприятностей. Никто из его разбойничков сегодня даже царапины не заработал.

– Штуку тебе сразу отсыплем! – продолжал размышлять Нивирт. – Да, атаман? Заслужил ты сегодня, брат Ворон! Без тебя мы бы ни хрена так здорово не придумали.

– Спасибо, щедрый ты мой! – хмыкнул Эл. – Ещё атаманом не стал, а уже за меня добычу делишь? Погодь немного! А от тысчонки я не откажусь. В хозяйстве сгодится…

– У тебя хозяйства нет, – заржал негромко его приятель.

– Так будет скоро, – пожал плечами Эливерт. – Пацанам сегодня сказать хочу, что я их покинуть собираюсь.

Нивирт сразу в лице переменился, всё ликование как рукой сняло.

– Ты…это… обожди немного, брат! – нерешительно начал Нивирт.

– Чего ждать? Я уже и так год жду! – не поддался Ворон.

Дружок его помолчал и начал тихо, чтобы случайно не услышали бредущие впереди «воронята»:

– У меня, короче, новости для тебя есть… Паршивые новости! Я не хотел сегодня говорить, в такую ночку славную. Но, раз уж ты собрался объявить, что с жизнью холостой прощаешься – скажу.

16 В западне

Ворон молча ждал продолжения.

– Эл, ты же знаешь, я никогда не болтаю хрень всякую, если я не уверен. Так вот… Я не уверен. Сам не видел. Потому и молчал. Хотел сначала всё проверить, убедиться собственными глазами, как говорится… Нечисто что-то с белокурой твоей, вот…

– Брат, – протянул Эливерт, – ты опять за своё? Не надоело?

– Да ты не понял! Я не про весь этот бред… Хрен с ними, с приворотами… Ведьма так ведьма. Я про другое. Видали твою зазнобу с мужиком одним. И не один раз видали…

– Нив! – вздохнул вифриец. – Зачем? Это не смешно… Закрой лучше рот, по-хорошему! Это, знаешь, дерьмом попахивает…

– Ещё как попахивает! – серьёзно кивнул его друг. – Тип, который мне это сказал, в городе человек новый. Он тут всех не знает. Но твою-то, понятно, уже приметил. Такую не пропустишь… И про ваши шуры-муры уже наслышан. Ну, предупредили его сразу, стало быть, чтобы он рта не разевал на чужой пирожок. Так вот, приметил он, что пока мы тут отлучались по делам нашим, красотка твоя в трактир недалече на встречу бегала. А потом ещё лучше… Этот мужик из лавки её выходил на днях.

– О, даже так? – скривился в ухмылке Ворон. – Нивирт, да пошёл бы ты вместе со своим наблюдательным дружком!

– Я бы и пошёл… – угрюмо продолжил тот. – Это только твоё дело, друг, с кем ты спишь, и с кем спит та, с кем спишь ты… Хоть, по правде сказать, мне за тебя так обидно, что я бы её красивую шею свернул. Но тут такое дело… – Нив зашептал ещё тише, – если догадка моя верна, то это уже не только тебя касается. Типчик, с которым она в твоё отсутствие болтать изволила, по описанию больно мне одну знакомую гниду напомнил. В годах такой, не старый ещё, но раза в два старше твоей белокурой, невысокий, крепкий, плешивый слегка, сурьё-ёёзный… Морда широкая. Одет хорошо, богато. При оружии всегда… Ничего так не напоминает, а?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.